

«СТИХ О ЖИЗНИ ПАТРИАРШИХ ПЕВЧИХ»

(ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ САТИРА КОНЦА XVII в.)

Впервые публикуемый ниже «Стих о жизни патриарших певчих» находится в сборнике ГПБ, собр. ОЛДП, Q. СССРСХС, л. 124 об.—126. Сборник разных почерков конца XVII—начала XVIII в. Тем же почерком, что и наш «Стих», писаны в сборнике на бумаге конца XVII в. следующие произведения: л. 122 — стих «Плач богородицы при кресте» (начало: «Уже ты лишаюся, уже ты лишаюсь сладкое чадо»); л. 123 — стих «О страшном суде» (начало: «Страшный день помышляю, окаянный! Трепещу страхом грехми, окаянный»); л. 126 — «Стих покаянный усердно внимающим» (начало: «Есть прелесть в свете, что в полном цвети, ты, ту остани»); л. 129 — стих «Обаче всуе мятется всяк человек, понеже краткий его на свете век»; л. 130 — стихи «Како подобает чтить образ пречистой богоматери Одигитрии»; л. 132 — «Повесть зело страшна ко брадобрителем» (начало: «Срамно бо есть блуднице о целомудрии беседовати». Конца нет); л. 134 — окончание статьи о значении восковой свечи; л. 134 — стих «О девстве и чистоте» (начало: «Неизглаголанного девства чистота, смиренным мудрости истина!»); л. 134 — стих о пустыне: «О прекрасная пустыня, прими мя в свои частвины».

Название «Стих о жизни патриарших певчих» принадлежит неизвестному составителю оглавления сборника; оглавление это писано почерком XIX столетия на особо приплетенных листах в конце сборника.

Судя по тому, что в стихе упоминается монастырское подворье, он не мог быть составлен ранее 1684 г., когда часть патриарших певчих была поселена в Москве на земле, прирезанной от соседнего подворья Троице-Сергиева монастыря.¹ Поселенные здесь младшие певчие испытывали значительные неудобства, что и отразилось в названии его, в словах: «монастыря подворье, о чем непокорье». Рукопись не представляет собой авторского текста: это копия с оригинала, написанного ранее (ср. описки переписчика: «непоморье» вместо «непокорье», «аа некуды глядети» вместо «а некуды глядети», «не не судки», «да под плѣ (?) ложися» и др.). Самый список вместе с переписанными в нем произведениями принадлежит началу XVIII в. Этим определяется крайняя дата написания произведения (название «патриаршие» певчие не может служить основанием для датировки, так как хор патриарших певчих существовал и после уничтожения патриаршества в России).

Патриаршие певчие разделялись на дьяков и поддьяков. Все певчие дьяки и поддьяки разделялись на больших, или возраст-

¹ Р а з у м о в с к и й Д. В. Патриаршие певчие дьяки и поддьяки и государевы певчие дьяки. М., 1895, с. 27.

ных, и малых, или недоростков, и получали различное содержание. Автор стиха, по-видимому, принадлежал к малым недоростковым певчим, которые получали меньшее содержание сравнительно с возрастными и не имели добавок на семью. Особенно тяжело было положение малых недоростковых певчих в шестой и седьмой станицах (все дяки и поддяки разделялись на семь станиц), куда помещали новопробылых.²

В «Стихе о жизни патриарших певчих» с особенной резкостью заявлен протест («непокорье») против социальной несправедливости. Тяжелая жизнь певчих — лишь пример общей социальной несправедливости разделения людей на бедных и богатых. Обращает на себя внимание особенно следующее утверждение автора: «овии трудишася, овии в труд их внидоша». Автор, очевидно, сознает, что источник богатства — труд, и отмечает присвоение результатов труда богатыми, «входящими в труд» бедных.

Автор стиха — человек начитанный. Могут быть отмечены отдельные книжные выражения («забвение на всех хвалится», «и некие в настоящее время гонят носящих бремя»). Украинизмы очень редки («воспеваки»). В целом это произведение народное, писанное обычным для сатирической литературы раешным стихом (ср. «Сказание о попе Савве», «Сказание о куре и лисице» и др.).

В стихе рассыпано множество бытовых реалий: хлебня, в которой работали «спеваки», «чепь», на которую сажали провинившихся,³ ворота, которые запирали на ночь, и т. д. Свидетельство стиха, что в церкви патриарших певчих одевали, как «маковые цветы», зарегистрировано документами. Д. В. Разумовский пишет: «При отправлении своей прямой обязанности в храме, при служении патриаршем, певчие дяки и поддяки патриарха постоянно облачались в стихари то золотые, то серебряные белые, то черные, смотря по степени и значению духовного торжества. При поставлении царя Феодора Алексеевича на царство (1676) патриаршие певчие дяки и поддяки были в золотых стихарях. Стихари надевали даже и малые поддяки, как это обыкновенно бывало в неделю цветоносия, когда малые певчие стояли в санях при украшенной вербе и пели стихиры. Церковное облачение патриарших певчих дяков и поддяков было столь обыкновенным явлением, что сохранившиеся современные записи упоминают о пении без облачения как о явлении необычном. Так, например, было в 1686 и 1695 гг. В обыкновенное же, неслужебное, время одежда патриарших певчих дяков и поддяков несколько не отличалась от одежды современных дяконов. Она состояла из рясы и подрясника, перетянутого поясом. Все это было сукон-

² Там же, с. 20—21.

³ «Хлебня» и «чепь» в тех же значениях фигурируют также в «Сказании о попе Савве» (см.: Андрианова-Перетц В. П. Русская демократическая сатира XVII в. М.; Л., 1954, с. 70—72).

ное». ⁴ Красные («маковые») стихари специально упоминаются в записной книге Патриарших выходов под 1656 г. ⁵

Неясно, о каких поляках идет речь в сентенции: «Горе вам, бедныя воспеваки, тако вам говорят поляки». Неясно также, почему следствием опоздания в пении было поспевание к стулу («будет к началу не спел, ино к стулу поспел»).

Приводим текст.

Монастыря подворье, о чем непокорье.^а
Монастырь бо невелик, да зvon добре велик.
Чернецы бы и умны, но да нравы дурны.
На чеп сажают, да долго не спущают.
А се хлебня темна и сажа добре черна,
и всех морает, а света не имеет.
Поглядел бы немношко, да се одно окошко,
нужно седети, а^б некуды глядети.
И добро бы место, да марает тесто.
Аще и вера не велика, только чепь велика,
взором и не светла, но довесом тяжела.
Мошно бы двум седети, а не хочется и глядети.
Побыть бы мошно, да на сердца тошно.
И жить есть где, да негде.
Аще и есть где, да сести нельзе:
стул будет увалять и ноги обе переморат.
Есть ли стул обтирать, то и ноги обтирать.
Аще в хлебню тако внити, то всех разгонити,
срама не избыти, а людей насмешити.
Горе вам, бедныя воспеваки, — тако вам говорят поляки.
Як же кто поет на глас, тот носит атлас.
Патриаршим воспевакам як дуракам
велят им петь гладко, а поят и кормят их гадко.
Слышати пение любить, а доброе все сами лупят.
В чин малых побрали, а под старость их всех попрали:
пока есть глас, то и ходит по нас,
як же стал глас нехорош, то и поди куды хош.
Пел бы дондеже есть, да нечево стало есть.
В церкви что макови цветы, а дома нечево и въздети,
а вспеваки же за вся глядят.
Люди все в дорогах, а вспевака в дураках.
Честь ум рождает, а убожество и старой растяряет.
Сердцу веселящуся и лицу цветящуся.
Аще кто богат, тот везде рогат.
Есть бы кому не денги и всяк будет в полденги.
Напереди рече иная, возвратимся да вспевакам умилимся.
Будет к началу не спел, ино к стулу поспел.

^а В ркп. непоморье. ^б В ркп. аа.

⁴ Р а з у м о в с к и й Д. В. Патриаршие певчие диакны. . . , с. 24—25.

⁵ Д у б р о в с к и й Н. Патриаршие выходы. М., 1869, с. 12.

Проспись да протрезвись да под плѣ (клеть?) ложись,
или проседись да прослезись, а дамой не торопись.
К ночи врата запирают, а днем с чеши не спускают.
Испил бы винца да запил бы пивца.
Чеп бы скинул да под лавку кинул.
Ушел бы домов да живот незамог.
Перелез бы чьрез забор, ино скажут — тот вор.
Аще ли в чеп сажати да надобно и рассуждати,
что не за все бы на чеп сажати.
Когда смеемся, тогда люди видят:
не разумеет богатый убогому, так же и сытый голодному,
а здоровый больным — только бедным одним.
Забвение на всех хвалится, а скупый умрет — звалится.
Лег бы поспати, да не умел встати.
Скупый денги бережет, а по смерти всяк его кленет.
Живучи много собирал, а умерши конечно пропал.
Скупыя спят не не судки, ано дух вон, что из дудки.
Аще кто милует убога, тот любит бога.
Есть ли не милует убога, воистинну сей не любит бога.
Чюжые кровлю кроют, а свои голосом воют.
На что драгие вещи любить, когда не умеем их хранить.
И некие в настоящее время гонят носящих бремя.
Овому честь бог дарует, овии искупают,
овии трудишася, овии в труд их внидоша.
Овии скачют, овии же плачют.
Инии веселяшеся, инии ж всегда слезяшеся.
Почто писать много, что от бедных не любят никого.
Лучше того любить, кого деньги лупят.
Что с убогова взяти — прикажи его сковати.